

погнался за двумя роялями

Алексей Любимов выступил в Петербурге

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

«Концерт-премьера» — так был озаглавлен вечер в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии, где звучали опусы Иоганна Кристиана Баха, Гайдна, Стравинского, Бернштейна и Сильвестрова. Два из пяти сочинений исполнялись в Петербурге впервые, и во всех пяти за роялем сидел главный герой вечера пианист Алексей Любимов, которому недавно исполнилось шестьдесят.

Тонкие кружева концерта Иоганна Кристиана Баха Любимов плел искусно и старательно, подробно выигрывая изощренные детали фортепианной партии. Для классических сочинений Баха и Гайдна был поставлен рояль в левом углу сцены. В правом углу стоял другой: за него Любимов усаживался, когда предстояло играть чеканно-ударные джазовые партии в Epony Concerto Стравинского и пьесе Бернштейна «Прелюдия, fuga и риффы». Последняя — джазовая композиция, посвященная знаменитому кларнетисту Бени Гудмену, — прозвучала вызывающе броско, бодро, плакатно. Победная размашистая поступь XX века резко контрастировала с изящно семенящим шагом классицистского XVIII-го. И это был сознательный, продуманный композиционный прием: антагонизм стилей был призван выпятить и подчеркнуть характерные особенности каждого из них.

Иоганна Кристиана, младшего сына и ученика великого Иоганна Себастьяна, называют «лондонским» или «миланским» Бахом. Крепкая немецкая основа в сочетании с итальянским изяществом породила гибрид галантного стиля и серьезности, что так пленяли Моцарта впоследствии. Клавирный концерт Баха очаровал мелодическими изгибами и изобильно расставленными над каждой нотой украшениями (их исторически верная интерпретация — предмет особого внимания пианиста). Объединяющая все три части куртуазная интонация отсылала к утонченным манерам далекой эпохи. Особенно красива была вторая часть — время словно замерло в ней, застыв в идеальной точке и открыв строго организованный Космос раннего классицизма.

В джазовых композициях Бернштейна и Стравинского солировал наряду с Любимовым молодой кларнетист Кирилл Рыбаков. Выпускник Парижской консерватории, собравший массу премий и стипендий, оказался музыкантом слегка скованным, компенсирующим юношескую скованность самодовольной улыбкой. Его не очень качественное чувство ритма обнажилось во время «Прелюдий и риффов», когда Рыбаков должен был вести диалог с фортепиано, но вступал то и дело невпопад.

Гвоздем вечера, несомненно, стала «Мета-музыка» Валентина Сильвестрова — сорокадвухминутная симфония для фортепиано и симфонического оркестра (она прозвучала в исполнении второго оркестра Петербургской филармонии). Именно ради нее в Большой зал пришла масса композиторов — явление в профессиональной среде довольно редкое. Сильвестров ныне почитается за гурзу новой музыки; пройдя через увлечение авангардом и «новой простотой», он претендует на всеобъемлющее, подытоживающее видение мира. «Музыка — это пение мира о самом себе», — считает композитор. И в «Метамузыке» Сильвестров разворачивает картину колышущегося, искрящегося, бликующего звукового моря. Градация однородных настроений ведет слушателя по эмоциональному спектру от драматизма к пронзающему в фортепианной партии лирическому эпизоду. Сознание погружается в спокойную зыбь релаксации; глухо, как сквозь воду, звучат валторны; темы неспешны, будто размыты — ведь для Сильвестрова важен процесс как таковой, а не результат. Это и есть главное открытие Сильвестрова: музыка, продуманная до последней запятой, производит впечатление огромной коллективной медитации.

Опытные интерпретаторы музыки XX века, пианист Алексей Любимов и дирижер Александр Титов легко нашли общий язык

Фотограф: Никита Инфантьев